

вероподобно, что именно этот император сделал невозможным дальнейшее существование академии. Рассказывается, будто последние афинские философы совместно со своим схолархом Дамасцием переселились ко двору персидского царя Хозроя, но, горько разочаровавшись в надежде найти и там убежище для своих идеалов, вернулись назад в Грецию, где и исчезли уже бесследно¹. Знаменитейшее установление элинства, утратив последнюю умственную мощь со смертью Прокла, последовавшею 17 апреля 485 г., сгибло от истощения и неприметно погасло, просуществовав со времени Платона более восьми столетий. Если в Афинах продолжали еще существовать частные школы — риторические и грамматические, то их деятельность не была ученой. Греческая словесность отныне находила себе покровительство и разработку в византийских ученых школах, преимущественно в Константинополе и Фессалониках. Эвнапий высказал преувеличенное мнение, будто Афины с самой смерти Сократа не производили ничего великого и наравне со всей Элладой тогда уже пришли в упадок. Со времени Юстиниана последние источники афинской умственной жизни иссякают действительно. Оставляя в стороне все преимущества, какие академия доставляла городу в течение ряда столетий, это высшее учебное заведение оказывалось той именно цепью, которая связывала Афины и с достославным прошлым, и с Грецией, и с образованным миром вообще. Именно международный характер академии придал Афинам в первые века христианства значение столицы язычества. Когда Афины утратили это значение, когда живые предания древности пали вместе с языческими храмами, с произведениями искусства и гимназиями философов, то и сам город мудрецов утратил цель своего бытия. Вечной мечтой Рима даже в эпоху глубочайшего средневекового упадка было восстановить *imperium romanum*, т. е. вернуться к прежнему закономерному властвованию Вечного города над миром; римляне и осуществили свою мечту не столько через возрождение импера-

¹ Агатиас, Hist. II, 30, перечисляет их имена: то были Дамасций, Симплиций, Эввалий, Присциан, Гермий, Диоген и Исидор. Уже сама численность их — 7, имевшая у пифагорейцев таинственный смысл, может навести на сомнения.